

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902(571.12)

О.М. Аношко¹, А.И. Клименко²

¹Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия;

²Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

ТОБОЛЬСКИЙ ПОСАДСКИЙ ОСТРОГ XVII В.*

В статье представлена характеристика посадских укреплений Тобольска XVII в. на основе сравнительного исследования исторических, картографических и археологических источников, анализа архитектурных приемов. По имеющимся данным установлено, что этапы и характер застройки первой российской столицы Сибири на ранних этапах ее истории зависели от локализации и особенностей строительства оборонительных линий. Сеть улиц и расположение кварталов исторически сложились под влиянием конфигурации деревянных острожных укреплений. Реконструировать размеры, устройство и внешний вид посадских оборонительных сооружений удалось по материалам археологических исследований, проведенных на мысу Чукман, который являлся частью верхнепосадской территории города, обжитой практически с момента его основания. Обнаруженные на площади раскопа остатки частоколов, представленных узкими канавками с древесным тленом от столбов, были частью посадского острога в разные периоды его функционирования в XVII в. Тыновая стена с помостом и башней соотнесена с восточной оборонительной линией, возведенной в 1688 г., когда в Тобольске началось строительство самых грандиозных в его истории укреплений.

Ключевые слова: Тобольск, посадский острог XVII в., археолого-исторические реконструкции, архитектурная модель.

DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-01

Введение

Сибирские летописи XVII в., поздние исторические источники, картографические материалы показывают историческую роль Тобольска как организующего центра колонизации Сибири. Динамика его застройки реконструируется по данным исторических документов, в которых содержатся сведения о строительстве оборонительных, посадских и кремлевских сооружений, времени их ремонта и гибели в результате пожаров. Картографическое наследие С.У. Ремезова XVII – начала XVIII в. и более поздние планы города дают информацию о локализации и взаиморасположении архитектурных объектов в тот или иной хронологический отрезок, при этом узлами градостроительной композиции Тобольска выступают кремль, гостинный двор, храмы, монастыри, которые являются стабильными во времени элементами застройки, независимо от поздних перестроек [Аношко, 2014, с. 138]. Широкомасштабные археологические исследования позволяют уточнить особенности планировочной структуры в разные периоды функционирования Тобольска, выявить истинные размеры и устройство построек. На основе данных археологии появляется возможность воссоздания архитектурных моделей несохранившихся старинных объектов.

Археолого-исторические реконструкции и архитектурная модель

На раннем этапе российской колонизации Сибири военно-оборонительная функция Тобольска была наиважнейшей. При определении хронологической локализации острожных укреплений предпринят анализ исторических сведений и планов города

* Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол №2 от 08.12.2017. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.4; проект №0371-2018-0033.

[Матвеев и др., 2008, с. 138–143; Матвеев, Аношко, Клименко, 2012]. К 1627 г., по сообщению воеводы Михаила Трубецкого, тобольские острожные стены, опоясывавшие посад в виде частокола с Пермской и Казачьей башнями на взвозах, почти полностью сгнили [Кочедамов, 1963, с. 10–12; 1977, с. 77]. При первом общетобольском пожаре в 1643 г. эти укрепления сгорели, поэтому в следующем году вокруг посада был возведен новый острог, перестроенный в 1661 г. [Кочедамов, 1963, с. 13–14]. Так, в описании Тобольска неизвестным иностранцем, приехавшим в город в 1666 г., отмечено, что «город на горе представляет собой крепость, укрепленную против набегов только стaketой из еловых деревьев, без травы и земляного вала; но на вершущке горы, прямо над рекою, ... он имеет вокруг себя красивую деревянную стену, в которой бревно лежит на бревне, как строят избы...» [Алексеев, 1941; Кочедамов, 1963, с. 14].

На первом из известных планов Тобольска, обнаруженном в сибирской летописи Ивана Черепанова и датированном, по мнению В.И. Кочедамова [1963, с. 16], началом 70-х гг. XVII в., деревянная оборонительная линия из вертикально вкопанных в землю и заостренных наверху бревен проходила как по иртышскому берегу, так и по берегу р. Курдюмки. В 1677 г. эта острожная стена сгорела при втором пожаре, который охватил практически весь Тобольск. Посадские укрепления сразу же были восстановлены, но просуществовали недолго, так как погибли при третьем общетобольском пожаре в 1680 г. [Сибирский летописный свод, 1987, с. 212]. Острог начала 80-х гг. XVII в. простоял всего несколько лет, так как в 1688 г. в Тобольске началось строительство новых, более мощных укреплений [Кочедамов, 1963, с. 21]. Они были отнесены в напольную сторону примерно на 300 м, что значительно увеличило площадь верхнего посада. На участке, наиболее удобном для штурма, – от крутого иртышского яра до высокого берега р. Курдюмки был возведен не частокол, а земляной вал со рвом и четырьмя башнями. Со стороны иртышской кручи высотой около 50 м ни посад, ни город не были защищены, а со стороны р. Курдюмки, срез которой был не таким глубоким, поставлен бревенчатый частокол, который не представлял собой идеально прямой линии, а изгибался вдоль неровного края террасы, то опускаясь, то поднимаясь вверх, пересекал несколько глубоких логов, которые в Тобольске с тех пор именуют взвозами: Большой, Малый, Казачий и Никольский. В конце концов этот тын соединялся с ограждениями Софийского двора. Описанные фортификационные сооружения отражены на двух известных планах города 1701 и 1714 гг., составленных С.У. Ремезовым, первый из которых вошел в состав его Чертежной книги Сибири [Т. 1, 2003, с. 8–9; Т. 2, 2003, с. 44–47], а второй – в Служебную Чертежную книгу [Т. 1, 2006, с. 36–37; Т. 2, 2006, с. 33–37].

Следовательно, местоположение оборонительных линий, возведенных в разные периоды XVII в., указывало, в каком направлении шло развитие города и как менялись его границы на протяжении этого времени [Градостроительство..., 1994]. На современном ландшафте города фиксируются контуры земляного вала 1688 г., значительные фрагменты которого сохранились до наших дней. Острожные стены, построенные на территории верхнего посада в 1621, 1644, 1661 гг., визуально не фиксируются и, видимо, скрыты современной застройкой, которая является следствием регулярных преобразований планировочной структуры исторической части Тобольска в конце XVIII – начале XIX в. [Матвеев, Аношко, Клименко, 2012, с. 77]. Для выявления границ прохождения оборонительных линий рассмотрен дорегулярный геодезический план города 1763 г., демонстрирующий особенности его застройки до кардинальных

планировочных изменений (рис. 1). На этом плане видно, что сеть улиц и расположение кварталов исторически сложились под влиянием локализации и конфигурации деревянных острожных укреплений, возведенных в разные периоды XVII в. На основе этого предположения нами определены по начертанию поперечных улиц между кромкой оврагов р. Курдюмки и крутым берегом Иртыша основные этапы роста города в сторону «поля» и соответственно границы сменявших друг друга линий обороны, при пересечении которых с главными улицами четко фиксируются места расположения проезжих башен острога. План 1763 г. был адаптирован к топографии города, ландшафтные особенности нагорной части которого являются достаточно стабильным элементом городской подосновы. В результате на современную топографическую съемку города нами нанесена наиболее вероятная схема развития укреплений Тобольска, уточнено местонахождение его острожных стен и башен XVII в., а также установлено, что некоторые фрагменты современной застройки, особенно на участках вблизи оврагов поймы р. Курдюмки, сохранили начертание улиц XVII в. (рис. 2).

Рис. 1. Фрагмент дорегулярного геодезического плана Тобольска 1763 г.

Местом рекогносцировочного археологического изучения остатков посадского острога XVII в. нами определен мыс Чукман, образованный глубокими логами – Никольским и Казачьим взвозами, с юго-восточной стороны которого протекает р. Курдюмка. Он являлся частью верхнепосадской территории и, судя по историческим данным, был обжит тоболяками практически с момента основания города. По данным исторических источников, по южному и восточному краю мыса проходила острожная стена, там же располагались посадские постройки, а в его северной части – Никольская церковь с кладбищем. В 1805 г. часть домов снесена с целью строительства каменного здания семинарии, которое так и не построили. Впоследствии территория мыса была полностью очищена от посадских строений, а в 1837 г. здесь установили мраморный памятник Ермаку [Кочедамов, 1963, с. 106, 131]. С того момента и по сей день мыс Чукман является местом отдыха жителей Тобольска.

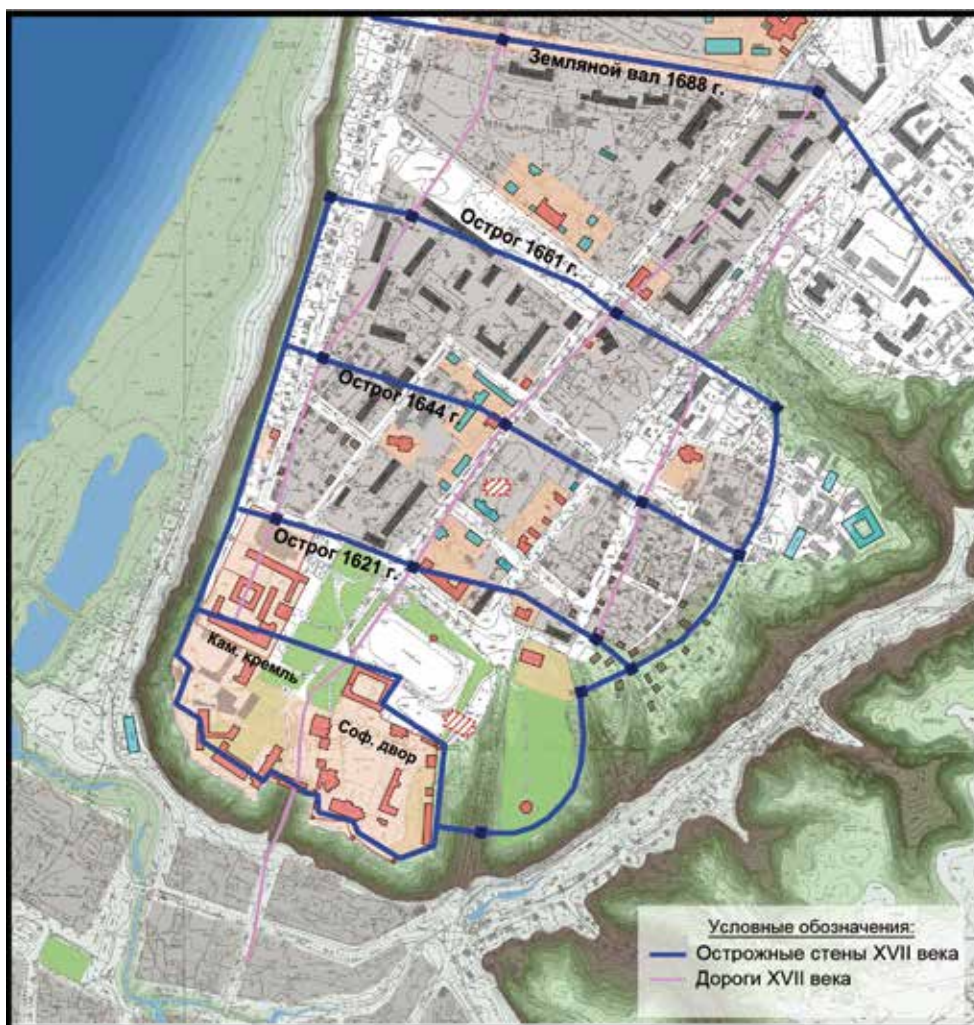

Рис. 2. Схема оборонительных укреплений Тобольска XVII в. на историко-архитектурном опорном плане нагорной части (Топографическая съемка 2006 г. М 1:2000)

В юго-восточной части мыса, у самой его бровки и прямо над р. Курдюмкой был исследован участок площадью 352 кв. м. В раскопе обнаружены остатки частоколов, являвшихся частью острога в разные периоды его существования. Общая мощность отложений, вскрытых на изученном участке, варьировала от 1,1 до 2,3 м. Из раскопа происходили многочисленные обломки глиняной, фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посуды, а также изразцов; разнообразный хозяйственный инвентарь и предметы личного обихода; несколько медных монет XVII–XVIII вв. и серебряных «чешуек» [Матвеев, Аношко, 2011, с. 50].

Остатки укреплений отчетливо фиксировались на уровне погребенной темно-серой почвы. Именно на фоне этого слоя проступили очертания нескольких канав, ориентированных вдоль края мыса и идущих в общем направлении с юга на север. Большинство канав углублялось не только в погребенную почву, но и в материк, хотя зафиксированы и такие, которые на уровне материка уже не прослеживались (канавы 1). В общей сложности удалось насчитать восемь таких углублений разной сохранности (рис. 3, 4). Лучше всего прослеживалась самая большая канава 7, которая проходила фактически по самой бровке мыса. Остальные, находившиеся в нескольких метрах от уступа, оказались значительно более узкими. Некоторые из них сохранились лишь в виде пунктирных линий, а всю раскопанную площадку длиной более 30 м пересекали только канавы 2 и 3, которые шли примерно параллельно одна другой на расстоянии 5–9 м от края мыса. При этом на отдельных участках и та и другая разделялась на отдельные «рукава», которые могли расходиться, сходиться и, похоже, даже пересекаться. Из этих планиграфических наблюдений следует, что все канавы отнюдь не одновременны.

Выборка заполнения узких канав показала, что их ширина составляла около 0,4 м, а глубина – около 0,3 м от уровня материка и соответственно примерно 0,5–0,6 м от уровня погребенной почвы. В каждой из них обнаружены остатки вертикально стоявших столбов, которые почти истлели, но неплохо фиксировались, причем обычно не поодиночке, а в виде цепочек разной длины. В некоторых случаях отмечены сдвоенные ряды сгнивших бревен. На отдельных участках раскопа остатки вертикальных столбов выявлены и за пределами канав. Диаметр сохранившихся столбиков древесного тлена варьировал от 5 до 10 см, а друг от друга в рядах они находились на расстоянии 5–20 см. На этом основании можно предполагать, что диаметр основной части бревен изначально не превышал 20–25 см. По историческим данным, начиная с XVII в. существовал особый стандарт острожных бревен: в длину 2,5 сажени – около 5 м, диаметром 5 вершков – 22,5 см [Бородовский, Бородовская, 2003].

В общем, даже самые узкие канавки, обнаруженные при раскопках, несомненно, служили для установки в них частокола, который некогда проходил по краю Чукманского мыса. Поскольку таких канавок здесь было выявлено несколько, а некоторые из них разделялись на отдельные «рукава» и вдобавок имели на дне как одинарные или двойные ряды полусгнивших столбов, так и неглубокие ямки, нетрудно догадаться, что острожная стена пережила несколько серьезных перестроек и более мелких ремонтов. При перестройках пусть не очень существенно, но все же менялось само местоположение стены; при ремонтах производилась замена отдельных бревен или участков тына. Бревна, скорее всего, соединялись при помощи паза, вырезанного у каждой тыновины с внутренней стороны, что позволяло вплотную состыковывать

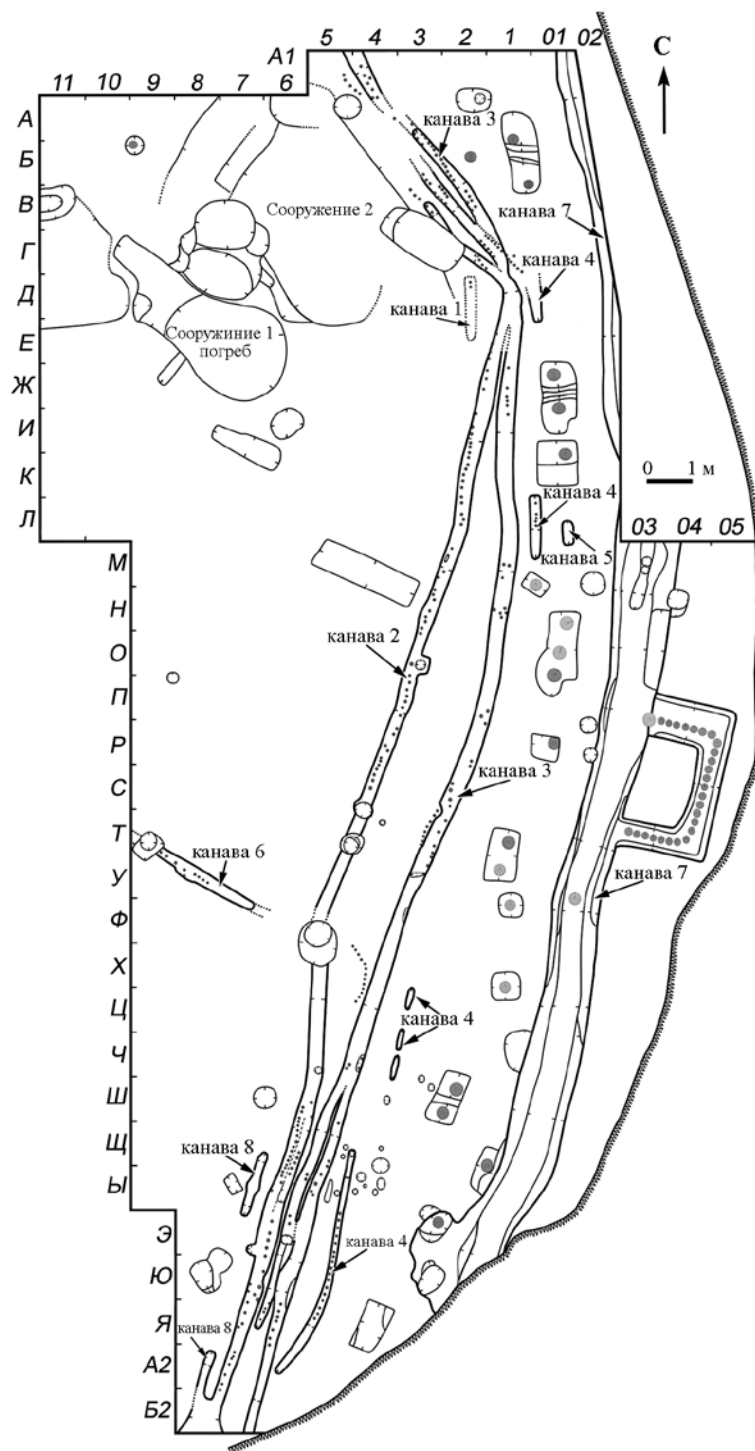

Рис. 3. План раскопа на мысу Чукман

Рис. 4. Раскоп (2009 г.) на мысу Чукман, выведенный на уровень материка столбы частокола, делая его прочным. Кроме того, в ходе исследований на мысу Чукман в большом количестве обнаружены железные кованые гвозди и скобы, которые также могли скреплять элементы тынового укрепления.

По самому краю мыса, на расстоянии 1–3 м от него, проходила еще одна канава, которая отличалась от описанных выше объектов не только размерами и глубиной котлована, но и структурой и цветом его заполнения. Несмотря на то, что в ходе исследования этого углубления лишь местами фиксировались фрагменты бревен и их отпечатки на его дне в виде ямок диаметром 0,2–0,3 м, оно, несомненно, является остатками тына, сооруженного для защиты города и впоследствии разобранного либо сторевшего, так как в верхней части заполнения котлована было насыщено вкраплениями угля. На стратиграфических разрезах канавы видно, что скважины, образованные некогда стоявшими столбами, были заполнены темно-коричневой мешаной супесью, а зазоры между ними и стенками котлована – грязно-желтым суглинком. После того как этот частокол перестал функционировать, в его канаву был скинут мусор, перемешанный с грунтом: кухонные отбросы – кости животных, битая гончарная посуда, фрагменты кожаной обуви и обломки железных изделий. Раскопки показали, что для котлована характерны ступенчатые стенки, его ширина варьировала от 1 до 1,7 м, глубина от уровня материка – от 0,7 до 1 м, а с учетом мощности погребенной почвы – до 1,5 м. Важно отметить одно стратиграфическое наблюдение, касающееся хронологического соотношения канавы 7 и узких тыновых канавок, о которых говорилось выше. Последние были перекрыты горизонтом серо-коричневой супеси без углистых включений, а канава 7 перерезала его и поэтому должна рассматриваться как более поздняя.

Позднейшая фортификационная линия на Чукманском мысу состояла не только из частокола. С внутренней стороны канавы 7 на расстоянии 0,8–1,2 м от нее зафиксирована четко выраженная цепочка подпрямоугольных и подквадратных ям глубиной

преимущественно 0,55–0,65 м от материковой поверхности и 0,7–0,85 м от уровня материка с остатками вертикально установленных столбов диаметром 0,25–0,3 м (рис. 3, 4). В некоторые из этих углублений было установлено по одному бревну, в другие – по два, а в некоторые даже по три. Надо полагать, что они являлись опорами пристроенного к тыну помоста, с которого в случае необходимости было удобно и наблюдать за неприятелем, и обстреливать его. Обнаружение в цепочке углублений сдвоенных столбовых ям с материковыми перемычками посередине позволяет предполагать, что стоявшие в них пары бревен могли поддерживать срубные стенки, которые, возможно, имелись под «боевым ходом» и одним концом примыкали к тыну. Заключение о наличии помоста у тобольской острожной стены дает возможность предполагать, что в ней могли быть проделаны бойницы, существенно расширявшие возможности для обстрела противника из пушек и пищалей. Косвенно на это указывают и материалы раскопок, среди которых присутствует около десятка свинцовых пуль, а также железное ядро диаметром 3,5 см. Из Осадного списка Тобольска XVII в. следует, что горожане знали о своих обязанностях на случай возникновения опасности и что некоторые из них несли службу у артиллерийских орудий [Словцов, 1995, с. 136].

Еще одной особенностью исследованной линии укреплений являлось наличие у канавы 7 прямоугольного наружного выступа размерами 3,4×2,3 м (рис. 3). Он представлял собой П-образную канавку шириной 0,6–0,95 м, глубиной от уровня материка 0,5–0,75 м, в которую вплотную друг к другу были установлены отрезки бревен диаметром от 0,15 до 0,25 м и высотой около 0,8 м. Пространство между столбиками и стенками канавки было заполнено грязно-желтым (материковым по происхождению) суглинком. Данный объект интерпретирован как остатки фундамента совсем небольшой башенки, пристроенной к наружной части острожной стены уже после ее возведения. Этот столбчатый фундамент, судя по всему, поддерживал срубную конструкцию башни, а потребность в нем была связана с необходимостью усилить и выровнять основание данного сооружения, возводившегося фактически на самом краю мыса. Остатки такого же фундамента башни обнаружены А.П. Бородовским при исследовании Умревинского острога [Бородовский, Горохов, 2009, с. 45, 49–50; рис. 25; 26]. Наземная деревянная конструкция этой башенки не сохранилась, как и на других русских памятниках Сибири, кроме Казымского острога XVIII в. [Молодин, Добжанский, 1978; Бородовский, Горохов, 2008].

Для идентификации исследованных в пределах раскопа остатков башни с одной из тех, что упоминаются в летописных и иных источниках, мы обратились к плану Тобольска 70-х гг. XVII в., включенному в летопись Ивана Черепанова [Кочедамов, 1963, с. 16], а также к чертежам, составленным С.У. Ремезовым в 1687 и 1701 гг. и вошедшим в его «Хорографическую чертежную книгу» [The Atlas of Siberia..., 1958, л. 161] и «Чертежную книгу Сибири» [2003а, с. 8; 2003б, с. 44–47]. Однако на этих планах обозначены лишь проезжие башни с въездными воротами на взвозах и в северной оборонительной линии, а также угловые башни, располагавшиеся на углу острожных укреплений, а интересующий нас объект не показан, хотя проведенные археологические исследования свидетельствуют о его наличии. Из всего этого можно сделать, по крайней мере, два вывода. Во-первых, о том, что ремезовские и иные чертежи не в полной мере отражают некогда существовавшую реальность, особенности застройки и планировочной структуры города представлены на них в упрощенной и схематизированной форме. Во-вторых, о том,

что обнаруженный нами объект не относился к числу наиболее значимых среди оборонительных построек города. Небольшие размеры данного сооружения следует объяснять как его размещением в непосредственной близости от края мыса, в центральной части восточного склона, так и его назначением. Башня выступала от линии обороны на 2 м, что было удобно для наблюдения и продольного обстрела острожных стен и подступов к ним. Высказанные соображения позволяют атрибутировать ее как караульную постройку [Матвеев, Аношко, Селиверстова, 2011, с. 245].

Заключение

Проведенные на мысу Чукман исследования в очередной раз продемонстрировали, что археологические материалы не только подтверждают и уточняют, но и существенно дополняют информацию письменных и картографических источников. Обнаруженные на площади раскопа остатки частоколов, представленных узкими канавками с древесным тленом от столбов, являлись частью посадского острога в разные периоды его функционирования в XVII в. Характер, местоположение и конструкция тыновой стены с помостом и башней допускают соотнесение с ней восточной оборонительной линии, возведенной в 1688 г., когда в Тобольске началось строительство самых грандиозных в его истории укреплений. Она могла просуществовать примерно до 1714 г., хотя не исключено, что и дольше, скажем до 1757 г., когда Тобольск еще раз основательно выгорел. Приведенные соображения легли в основу трехмерной компьютерной модели поздних укреплений Чукманского мыса (рис. 5). Подобная тыновая конструкция фортификационных сооружений по археологическим материалам была характерна для Албазинского [Артемьев, 1999], Братского [Никитин, 1961], Верхотурского [Корчагин, 2001], Умревинского [Бородовский, Горохов, 2008] острогов и Тарской крепости [Татауров, 2018]

Рис. 5. Трехмерная компьютерная модель поздних укреплений Чукманского мыса

сибирского региона. Ярким примером реконструкции срубных укреплений в ходе археологических исследований являются раскопки Мангазеи [Белов, Овсянников, Старков, 1980], Томска [Черная, 2002], Саянского [Скобелев, 2013] и Чаусского [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 45, 46] острогов.

Таким образом, сравнение тобольских оборонительных линий с материалами других опорных пунктов Сибири в данный исторический период свидетельствует об использовании разных строительных приемов при сооружении русских крепостей. Острог мог иметь срубные укрепления, а город (в том числе Тобольск – столица сибирского края) был обнесен тыном. Выбор тыновой или тарасной конструкции стен, видимо, зависел от разных обстоятельств: топографических особенностей места локализации, трудозатрат, количества рабочих рук, времени сооружения укреплений и т.п. В целом для определения особенностей их конструкции очень ценным является обнаружение упоминаемых в письменных источниках фортификаций на изображениях и картах XVII–XVIII вв. [Крадин, 1988]. К сожалению, в основном они документированы недостаточно детально. Данные археологических исследований восполняют имеющиеся пробелы и позволяют на основе перекрестной критики разного вида источников определить точную локализацию исторических объектов и воссоздать объемно-планировочные модели археологизированных построек [Чёрная, 2013, с. 81–83; Чёрная, 2016, с. 114–122]. Комплексный анализ археологических, письменных и картографических материалов с применением архитектурных моделей позволяет воссоздать планировку не только отдельных объектов, но и в целом русских крепостей Сибири, а также по-новому взглянуть на многие исторические реконструкции, созданные историками для периода российской колонизации этого региона.

Библиографический список

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVIII вв. Иркутск : Иркутское областное издательство, 1941. 609 с.

Аношко О.М. Посадские постройки Тобольска XVII–XIX вв.: описание, датировка, назначение (по материалам Первого и Второго Гостиных раскопов) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. I. С. 138–143.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1999. 335 с.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л. : Гидрометеиздат, 1980. 164 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области : учебное пособие. Новосибирск : Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 2003. 42 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога (археологические исследования 2002–2004 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №4. С. 70–82.

Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. М. : Стройиздат, 1994. 316 с.

Корчагин П.А. История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. 177 с.

Кочедамов В. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень : Тюменское книжное издательство, 1963. 156 с.

Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1977. 190 с.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М. : Искусство, 1988. 190 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Археологические открытия в Тобольске // Наследие Тюменской области. Тюмень : Тюменский издательский дом, 2011. С. 49–55.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман // *Ab origine* : археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2012. Вып. 4. С. 76–91.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Верхний посад Тобольска и материальная культура его жителей в XVII–XVIII вв. по археологическим данным // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 244–245.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова Т.В., Бормотина Ю.В. Предварительные результаты первого года раскопок археологической экспедиции Тюменского государственного университета в Тобольске // *Ab origine*: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2008. Вып. 1. С. 114–149.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск : Наука, 1996. Вып. 2. 191 с.

Молодин В.И., Добжанский В.Н. Археологическое исследование Казымского острога // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 191–202.

Никитин А.В. Братский острог // Советская археология. 1961. №2. С. 213–226.

Сибирский летописный свод. Гольвинская редакция, 1987.

Скобелев С.Г. Башни Саянского острога (по данным археологии) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 13 : Археология и этнография. С. 224–235.

Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М. : Вече, 2006. 512 с.

Служебная чертежная книга. Т. 1. Факсимильное издание рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Тобольск, 2006.

Служебная чертежная книга. Т. 2. Текст рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Тобольск, 2006.

Татауров С.Ф. Город Тара как исторический и археологический феномен среди русских городов Сибири // Вагановские чтения. Материалы IX региональной научно-практической конференции, посвященной 425-летию города Тары. Омск : Амфора, 2018. С. 142–148.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. М., 2003. Т. 1, 2.

Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2002. 187 с.

Чёрная М.П. Методико-источниковедческие подходы к решению проблемы локализации исторических объектов // Вестник Томского государственного университета. Серия : История. 2013. №3 (23). С. 81–90.

Чёрная М.П. О чем «рассказывает» история и что «показывает» археология: источники и методы изучения русской культуры Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. №1. С. 114–122.

References

Alekseev M.P. *Sibir' v izvestijah zapadno-evropejskih puteshestvennikov i pisatelej XIII–XVIII vv. [Siberia in the News of Western European Travelers and Writers of the 13th – 18th Centuries]*. Irkutsk, 1941. 609 p.

Anoshko O.M. *Posadskie postrojki Tobol'ska XVII–XIX vv.: opisanie, datirovka, naznachenie (po materialam Pervogo i Vtorogo Gostinyh raskopov) [Posadsky Buildings of Tobolsk in the 17th – 19th Centuries: Description, Dating, Purpose (based on Materials of the First and Second Excavations)]*. *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovanijah [Russian Culture in Archaeological Research]*. Omsk, Tjumen'; Ekaterinburg : Magellan, 2014. Т. I. Pp. 138–143.

Artem'ev A.R. *Goroda i ostrogi Zabajkal'ja i Priamur'ja vo vtoroj polovine XVII – XVIII vv. [Cities and Forts of Transbaikalia and the Amur Region in the Second Half of the 17th – 18th centuries]*. Vladivostok: In-t istorii, arheologii i jetnografii narodov Dal'nego Vostoka, 1999. 335 p.

Belov M.I., Ovsjannikov O.V., Starkov V.F. Mangazeja. Mangazejskij morskij hod. Ch. 1 [Mangazeja. Mangazeja Sea Passage. Part 1]. L., 1980. 164 p.

Borodovskij A.P., Borodovskaja E.L. Russkie ostrogi XVIII veka na territorii Novosibirskoj oblasti : uchebnoe posobie [The 18th Century Russian Forts on the Territory of the Novosibirsk Region: Study Guide]. Novosibirsk : Nauchno-proizvodstvennyj centr po sohranjeniju istoriko-kul'turnogo nasledija, 2003. 42 p.

Borodovskij A.P., Gorohov S.V. Oboronitel'nye sooruzhenija Umrevinskogo ostroga (arheologicheskie issledovanija 2002–2004 gg.) [Defensive Installations of Umrevinsky Jail (archaeological research 2002–2004)]. Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2008. №4. Pp. 70–82.

Gradostroitel'stvo Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. [Town Planning of the Moscow State of the 16th – 17th Centuries]. M.: Strojizdat, 1994. 316 p.

Korchagin P.A. Istorija Verhotur'ja (1598–1926). Zakonomernosti social'no-jekonomicheskogo razvitiya i skladyvanija arhitekturno-istoricheskoj sredy goroda [The History of Verhoturye (1598–1926). Patterns of Socio-Economic Development and Forming of the Architectural and Historical Environment of the City]. Ekaterinburg : Bank kul'turnoj informacii, 2001. 177 p.

Kochedamov V. Tobol'sk (kak ros i stroijsja gorod) [Tobolsk (as the city grew and was built)]. Tjumen' : Tjumenskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 156 p.

Kochedamov V.I. Pervye russkie goroda Sibiri [The First Russian Cities of Siberia]. M. : Strojizdat, 1977. 190 p.

Kradin N.P. Russkoe derevjannoe oboronnoe zodchestvo [Russian Wooden Defense Architecture]. M. : Iskusstvo, 1988. 190 p.

Matveev A.V., Anoshko O.M. Arheologicheskie otkrytija v Tobol'ske [Archaeological Discoveries in Tobolsk]. Nasledie Tjumenskoj oblasti [Heritage of the Tyumen Region]. Tjumen' : Tjumenskij izdatel'skij dom, 2011. Pp. 49–55.

Matveev A.V., Anoshko O.M., Klimenko A.I. Ostatki starinnyh tobol'skih ukreplenij na mysu Chukman [The Remains of the Ancient Tobolsk Fortifications on Cape Chukman]. Ab origine : arheologo-etnograficheskij sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Ab origine: an Archaeological and Ethnographic Collection of Tyumen State University]. Tjumen', 2012. Issue 4. Pp. 76–91.

Matveev A.V., Anoshko O.M., Seliverstova T.V. Verhnij posad Tobol'ska i material'naja kul'tura ego zhitelej v XVII–XVIII vv. po arheologicheskim dannym [Upper Posad of Tobolsk and the Material Culture of its Inhabitants in the 17th – 18th Centuries according to Archaeological Data]. Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]. SPb. : M. ; Velikij Novgorod, 2011. Vol. 2 Pp. 244–245.

Matveev A.V., Anoshko O.M., Somova M.A., Seliverstova T.V., Bormotina Ju.V. Predvaritel'nye rezul'taty pervogo goda raskopok arheologicheskoj jekspedicii Tjumenskogo universiteta v Tobol'ske [Preliminary Results of the First Year of the Excavations of the Archaeological Expedition of the Tyumen University in Tobolsk]. Ab origine : arheologo-etnograficheskij sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Ab origine: an Archaeological and Ethnographic Collection of Tyumen State University]. Tjumen', 2008. Issue 1. Pp. 114–149.

Molodin V.I., Borodovskij A.P., Troickaja T.N. Arheologicheskie pamjatniki Kolyvanskogo rajona Novosibirskoj oblasti. Materialy «Svoda pamjatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii». Vyp. 2 [Archaeological Sites in the Kolyvansky District of the Novosibirsk region. Materials of the “Set of Monuments of History and Culture of the Peoples of Russia”. Issue 2]. Novosibirsk : Nauka, 1996. 191 p.

Molodin V.I., Dobzhanskij V.N. Arheologicheskoe issledovanie Kazymskogo ostroga [Archaeological Study of the Kazym Fortress]. Drevnie kul'tury Altaja i Zapadnoj Sibiri [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1978. Pp. 191–202.

Nikitin A.V. Bratskij ostrog [Bratsk Jail]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1961. №2. Pp. 213–226.

Sibirskij letopisnyj svod. Gol'vinskaja redakcija, 1987 [Siberian Chronicle Code. Golvinsky Edition, 1987].

Skobelev S.G. Bashni Sajanskogo ostroga (po dannym arheologii) [The Towers of the Sayan Plain (according to archaeology)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija,

filologija. 2013. Tom 12, vypusk 13: Arheologija i jetnografija [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2013. Issue 12, no. 13: Archaeology and Ethnography]. Pp. 224–235.

Slovcev P.A. Istorija Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II [History of Siberia. From Yermak to Catherine II]. M.: Veche, 2006. 512 p.

Sluzhebnaia chertezhnaia kniga. T. 1. Faksimil'noe izdanie rukopisi Rossijskoj nacional'noj biblioteki (Sankt-Peterburg) [Office Drawing Book. Vol. 1. Facsimile Edition of the Manuscript of the Russian National Library (St. Petersburg)]. Tobol'sk, 2006.

Sluzhebnaia chertezhnaia kniga. T. 2. Tekst rukopisi Rossijskoj nacional'noj biblioteki (Sankt-Peterburg) [Office Drawing Book. Volume 2. The Text of the Manuscript of the Russian National Library (St. Petersburg)]. Tobol'sk, 2006.

Tataurov S.F. Gorod Tara kak istoricheskij i arheologicheskij fenomen sredi russkikh gorodov Sibiri [The City of Tara as a Historical and Archaeological Phenomenon among the Russian Cities of Siberia]. Vaganovskie chtenija. Materialy IX regional'noj nauchno-prakticheskoi konferencii, posvjashhennoj 425-letiju goroda Tary [Vaganovskie Readings. Materials of the IX Regional Scientific and Practical Conference Dedicated to the 425th Anniversary of the City of Tara]. Omsk : Amfora, 2018. Pp. 142–148.

Chertezhnaia kniga Sibiri, sostavlennaja tobol'skim synom bojarskim Semenom Remezovym v 1701 g. T. 1, 2 [The Drawing Book of Siberia, Compiled by the Boyar's Son Semen Remezov from Tobolsk in 1701]. M., 2003. Vol. 1, 2.

Chjornaja M.P. Tomskij kremľ serediny XVII – XVIII v.: Problemy rekonstrukcii i istoricheskoi interpretacii [Tomsk Kremlin in the Middle of the 17th – 18th Centuries: Problems of Reconstruction and Historical Interpretation. Tomsk : Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. 187 p.

Chjornaja M.P. Metodiko-istochnikovedcheskie podhody k resheniju problemy lokalizacii istoricheskikh ob'ektov [Methodological Source-Study Approaches to Solving the Problem of Localization of Historical Objects]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija : Istorija [Tomsk State University Bulletin. Series : History]. 2013. №3 (23). Pp. 81–90.

Chjornaja M.P. O chem «rasskazyvaet» istorija i chto «pokazyvaet» arheologija: istochniki i metody izuchenija russkoj kul'tury Sibiri [What History “Tells” and What Archaeology “Shows”: Sources and Methods of Studying Russian Culture of Siberia]. Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2016. Vol. 44. №1. Pp. 114–122.

O.M. Anoshko¹, S.I. Klimenko²

¹*Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Tyumen, Russia;*

²*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Industrial University of Tyumen”, Tyumen, Russia*

TOBOLSK FORTIFICATIONS IN THE 17TH CENTURY

The article presents a characteristic of the Posad fortifications of Tobolsk of the 17th century on the basis of a comparative study of historical, cartographic and archaeological sources and analysis of architectural techniques. According to available data, it was established that the stages and the nature of the building of the first Russian capital of Siberia at the early stages of its history depended on the localization and features of the construction of defensive lines. The network of streets and the location of the quarters have historically been influenced by the configuration of wooden guarded fortifications. It was possible to reconstruct the size, structure and image of the town's fortifications on the basis of archaeological research carried out at Cape Chukman, which was part of the Verhneposadsky region of the city, inhabited almost since its foundation. Discovered on the excavation area, the remains of the wooden fence, represented by narrow grooves with wood rot from the pillars, were part of the city during different periods of its operation in the 17th century. The new wall with the platform and the tower is correlated with the eastern defensive line, erected in 1688, when the construction of the most grandiose fortifications in Tobolsk began.

Key words: Tobolsk, fortification of the 17th century, archaeological and historical reconstructions, architectural model.